

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, СТРУКТУРНЫЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «ЯЗЫК – ДИАЛЕКТ»

Михаленко А.О.

научный руководитель д.и.н. Дернова Н.А.

Сибирский государственный аэрокосмический университет

Проблема «язык – диалект» является одной из наиболее актуальных проблем в современной лингвистике наряду со многими другими проблемами, объяснить которые в полной мере не может ни одна теория. Споры в научных кругах по поводу того, какой идиом можно считать языком, а какой – диалектом, не утихают и сегодня. Развитие диалектологии, лингвистики и языковой систематики сделало возможным появление множества точек зрения на данную проблему, зачастую противоречащих друг другу.

Цели и задачи лингвистов на сегодняшний день сводятся к тому, чтобы определить всевозможные критерии для определения идиома как языка или диалекта, учитывая социолингвистические, структурно-лингвистические, лексикостатистические и систематические методы, представить точки зрения авторитетных ученых прошлого и современности, на конкретных примерах продемонстрировать сходства и различия в языках и диалектах. На основе этого возможно создать более-менее полную картину проблемы.

Чтобы лучше понять саму проблему «язык – диалект», обратимся к конкретному примеру. Известно, что в славянском языковом ареале существует несколько подгрупп: южнославянская, восточнославянская и западнославянская. Следуя генеалогической классификации языков, польский и чешский языки обходят от русского языка дальше, чем, например, белорусский и украинский. Речь украинцев считается более понятной для русских, чем для чехов или поляков, хотя большой пласт лексики в украинском языке причисляют к полонизмам.

Украинский язык: *«Після проголошення Україною своєї незалежності і прийняття нею своєї Конституції вона стала президентсько-парламентською республікою»*

Русский язык: *«После провозглашения Украиной своей независимости и принятия ею своей Конституции она стала президентско-парламентской республикой»*

Большинство слов украинского языка легко находят аналоги в русском языке ввиду их почти полного сходства. Синтаксически украинский язык похож на русский, морфологически – существуют такие флексии, которые были утрачены в русском языке или со временем стали выполнять стилистические функции (например, слово *республікою*, имеющее в творительном падеже окончание *–ою* соответствует русскому слову *республикой* с окончанием *–ой*; но и в русском языке может быть использовано это окончание: *травой – травою, горой – горою*). Несмотря на сильное сходство, всё же украинский и русский – это различные языки.

В свою очередь, существуют диалекты, которые очень сильно отличаются друг от друга или от общего языка, хотя в действительности должны быть ближе друг к другу, чем языки. К таким, например, причисляют баварский диалект.

Баварский диалект: *«Mia wissma ned, obma mia heid nu epps dean»*

Немецкий язык: *«Wir wissen nicht, ob wir heute noch was unternehmen»*

Баварская фраза на слух сильно отличается от литературной немецкой нормы (даже больше, чем украинский отличается от русского). Однако понятия «украинский диалект русского языка» не существует, как не существует и понятия «баварский язык». Будучи самостоятельным в лексическом и морфосинтаксическом плане, баварский всегда считался диалектом немецкого языка (южнонемецкая группа верхнегерманского кластера).

В этой связи возникает потребность найти такие критерии, которые бы в полной мере определили, как отличить язык от диалекта и диалект от языка.

С точки зрения социолингвистики, определение исчерпывающих критериев для различения языка и диалекта производится на основе этнических, социально-политических и правовых аспектов их функционирования. Социолингвисты используют такие ключевые слова как: «язык нации», «главный язык» (аналог в немецкоязычной социолингвистике – *Dachsprache* или *Ausbausprache*), «формализованный язык». Отсюда выделяют следующие критерии языка: функциональная полноценность, наличие письменности и официальный статус (то есть признание языка). Идиомы, не вписывающиеся в данные критерии, считаются диалектами.

Если ориентироваться на данные критерии, то идентификация «украинский – русский» и «баварский – немецкий» вполне объяснима. Однако и здесь существуют свои нюансы. Будучи функционально развитыми, формы китайского языка путунхуа (мандарин) и стандартный гуанчжоунский диалект юэского наречия по-прежнему считаются лишь частями китайского, хотя оба имеют широкую сферу распространения, используются СМИ и чиновниками (ср также лозунги на путунхуа о необходимости развивать диалект до уровня языка (например, шанхайский лозунг «大家请说普通话,语言文字规范化»).

Учитывая такие несоответствия с объективными на первый взгляд критериями, социолингвисты делают поправку на социально-политические факторы, которые напрямую влияют на отношение к идиому. Например, английский язык имеет множество вариантов, этнолектов и диалектов: выделяют английский язык Британии (*British English*), американский (*American English*) и австралийский варианты (*Australian English*), множество креолов и пиджинов, диалектов и поддиалектов. Тем не менее, английский язык – это английский язык, единый и неделимый. В свою очередь, сербохорватский язык, который также имеет множество этнолектов и диалектов, состоит из других языков (сербского, хорватского, боснийского и черногорского). Сама формула «язык = язык + язык + язык + ... + язык» противоречива, но такая ситуация имела место. Сербохорватский язык – это язык бывшей Югославии, независимые страны которой в настоящий момент всеми силами стремятся подчеркнуть свою независимость и непохожесть друг на друга. Это и привело к тому, что современные государства, вроде Сербии и Хорватии, имеют собственный язык. Причины этого явления носят чисто политический характер. В данном ключе уместен афоризм известного лингвиста еврейского происхождения Макса Вайнрайха: «язык – это диалект, у которого есть армия и флот» (אָ שפּראַך אײַז אַ דיאַלעקט מיט אַן אַרמײ און פֿלאָט), *a shprakh iz a dialekt mit an armey un flot*).

К социально-политическим критериям определения языков и диалектов близки и причины чисто социального и этнического характера. Вот, например, два характерных случая, которые имели место в социолингвистических исследованиях. Первый случай связан с языком иранского народа луры, которые по их же утверждению, говорят на персидском языке. Носители фарси (персидского языка) этого не признают, указывая на то, что они не понимают луров. Таким образом, спонтанно был выделен лурско-бахтиярский язык. Второй случай имел место на границе Польши, Белоруссии и Литвы

в районе Полесья. Местные сельские жители сами не знают, на каком языке они говорят: «тутэйши мы и по-прóсту говорим». Лишь недавно для них был создан письменный полесский язык на основе кириллицы (заходьшнополіська лытырацька волода, русынсько-поліська, јітвјежа). Таким образом, идиомы, изначально не определенные как языки приняли надлежащую форму через самоидентификацию народа вследствие контактов с внешним языковым окружением.

Такой подход близок к этнолингвистическому методу определения языка и диалекта, который, однако, является не самым универсальным. Следуя методу, язык определяется народом, однако такое явление как многоязычие остается не у дел. Многие народы Российской Федерации говорят на двух и более языках. Например, в республике Мордва говорят на (финно-угорских) мокшанском, эрзянском и русском, в Чечне – на (нахско-дагестанском) чеченском и русском, в Башкортостане – на (кыпчакском тюркском) башкирском и русском. В данном ключе язык способен выделить народ, но не народ – язык.

Совсем иными инструментами при определении факторов различия между языками и диалектами характеризуются структурно-лингвистические критерии, которые опираются на более точные методы. Суть данных методов заключается в том, чтобы определить взаимопонятность двух и более идиом, которая может быть обусловлена, в первую очередь, временем их расхождения. Если носители идиома легко понимают друг друга, то они говорят на диалектах одного языка, если нет – то на разных языках. Например, русскоязычные коренные жители Мурманской и Липецкой областей свободно понимают друг друга, несмотря на множество различий в их произношении. Это значит, что они говорят на разных диалектах (северно- и южно-русских, соответственно) одного языка (русского). Но вот, например, нидерландцы (ближе к области Голландия) и немцы Баден-Вюртемберга, Рейнланд-Пфальца или Гессена будут испытывать существенные трудности в общении с нидерландцами. С другой стороны, речь нидерландцев легко понимают немцы нижнефранкской диалектной области, к которой исторически причисляют и сам нидерландский язык.

Взаимопонятность языков определяется глоттохронологическими методами: методом Сводеша или уравнением Старостина. Их метод имеет в основе математический аппарат, который анализирует списки базовой лексики (по 100 или более слов на каждый язык). Сравнивая совпадения в списках, скорость выбытия лексем или замены, лингвисты определяют время расхождения идиом. В решении проблемы «язык – диалект» метод применяется подобным же образом: чем больше совпадений, тем больше вероятность, что это диалекты. Отсюда выводят таксономию, включающую четыре уровня по мере возрастания совпадений: язык – наречие – диалект – говор.

Уровень	Совпадение, %	Примеры
Язык / группа языков	89-95	французский и английский языки / белорусско-русский кластер, иберороманские языки
Наречие	95-99	пикардское и валлонское наречия, севернорусское и среднеюжнорусское наречия
Диалект	99-100	псковский и тверской диалекты, брабантский и голландский диалекты
Говор	100	московский городской говор

В различных исследованиях (Д. Долби, Т. Кауфман) приводятся и другие понятия: внешний и внутренний язык, диалект; языковые зоны, континуумы и комплексы. Все чаще в социолингвистике и языковой систематике звучат понятия «плюрицентризм», «кластер», «диасистема» и «диглоссия». Каждая попытка создать

«шкалу» на лингвистической основе наталкивается на социальные процессы, которые не позволяют вывести исчерпывающих критериев для определения языка и диалекта. С точки зрения, например, лингвистических критериев, молдавский язык – это всего лишь диалект румынского, а восемнадцать китайских диалектов являются языками. И такие парадоксы хотя и заставляют разочароваться в данном методе, тем не менее, дают пищу для размышлений и хороший материал для более глубокого исследования.

В конечном счете, необходимо подчеркнуть, что такие понятия как «язык» и «диалект» до сих пор являются неопределенными, то есть полного определения им дать невозможно. Это делает проблему «язык – диалект» еще более сложной и интересной в плане социолингвистики, диалектологии и структурного языкознания.

Можно сделать некоторые выводы относительно проблемы «язык – диалект». Во-первых, отнесение идиома к языку и диалекту возможно при однозначном определении его функциональных признаков и статуса, а также самоидентификации носителей идиома и социально-политических процессов, влияющих на него. Во-вторых, точные характеристики идиома дает структурный анализ, который, однако, не учитывает социальных факторов. И, в-третьих, обе группы критериев следует рассматривать вместе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масенко Л. Т. Нариси з соціолінгвістики. К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 242 с.
2. Старостин С. А., Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. – 432 с.
3. Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
4. Anonby E. J. Update on Luri: How many languages? *Journal of the Royal Asiatic Society (Third Series)*, 2003. – P. 171–197.
5. Besch W. *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*. 2 Bde. Berlin: de Gruyter, 1982.
6. Wallot J.-P. *La gouvernance linguistique: le Canada en perspective*. University of Ottawa Press, 2004. – P. 13.
7. Wiesinger P. *Die Flexionsmorphologie des Verbuns im Bairischen*. Wien: Verlag der österr. Akademie der Wissenschaften, 1989. – S. 36-39.